

УДК 1 (091)

Проблема нравственной свободы в наследии Н.П. Огарёва

Н.Н. Забелина

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Н.П. Огарева на проблемы нравственной свободы. Подчеркивается несомненная актуальность изучения данной проблематики в интерпретации Н.П. Огарева, сохраняющаяся исследовательская ценность социально-демократического подхода к современной действительности. В статье анализируются обоснования вопроса морали в рамках русского освободительного движения 40-60 годов XIX века.

Abstract. N.P. Ogarev's views on the problems of moral freedom have been considered. The undoubted actuality of this problem in interpretation of Ogarev has been underlined; research essence of social and democratic approach to the present-day reality has been highlighted. Grounds of morals within the framework of the Russian liberation movement in the mid-XIX century have been analyzed.

Ключевые слова: мораль, нравственность, свобода, революционные демократы, кризис самодержавия, мировоззренческий кризис, Н.П. Огарев, личность, общество

Key words: morals, freedom, revolutionary democrats, crisis of autocracy, world outlook crisis, N.P. Ogarev, person, society

1. Введение

Сегодня мы переживаем ломку базовых духовных ценностей. На наших глазах идет обострение глобальных кризисов, возникают гигантские риски, идут процессы поиска новых смыслов человеческого существования. Философия как мировоззренческая наука начинает выполнять некую рефлексивную функцию над фундаментальными мировоззренческими универсалиями. Отечественная русская философия в последнее время активно проблематизирует и анализирует наше наследие, стараясь уйти от идеологического диктата. Признавая безусловную продуктивность такого подхода, можно только приветствовать интерес к теоретическому и публицистическому наследию русских революционных демократов, ярким представителем которых является Николай Платонович Огарев (1813-1877).

Для передовых русских мыслителей 40-60 годы XIX века были периодом мучительных раздумий и поисков социально-политической теории для периода обострившегося кризиса самодержавно-крепостнического строя. Проблема нравственной свободы в этическом наследии революционеро-демократов занимает одно из центральных мест. И это далеко не случайно.

Способ решения данной проблемы обуславливает понимание побудительных мотивов поведения, эгоизма и альтруизма, определяет толкование категории долга, соотношения цели и средств. И все эти вопросы приобретают непосредственное практическое значение для освободительного движения.

Большой интерес в этой связи представляет решение вопроса о нравственной свободе Огаревым, выдающимся революционным демократом, который внес значительный вклад в обоснования морали революционера.

2. Нравственная свобода как кардинальная проблема этической концепции Н.П. Огарева

Проблемой нравственной свободы Н.П. Огарев начинает интересоваться уже в начале 30-х годов. Тогда он стоял на позициях объективного идеализма. Считая природу и человека воплощением разумного развития божественной идеи, Огарев писал, что истинная свобода может существовать только через безусловную необходимость. Огарев не разрывал свободу и необходимость, рассматривая их в единстве, однако сущность этого единства понималась им тогда идеалистически.

Для воззрений Н.П. Огарева 30-х годов в целом характерно преобладание фаталистических тенденций. Он верит в разумность всего существующего, считая, что самые незначительные явления действительности подчинены провидению.

В начале 40-х годов глубокое изучение гегелевской философии привело Н.П. Огарева к осознанию недостатков своей позиции. Он начинает избавляться от провиденциализма в понимании нравственной свободы. "Но вот, – писал Огарев Н. Сатину из Берлина 27 декабря 1841 года, – настоящие требования: выйти из абстрактности, выйти из формализма, выйти из пантеизма, отдать человеку свободу воли. Я немало мучился этими вопросами, хотя славянская лень мешала строго заняться ими. Мое собственное безволие, безволие моего характера клонили меня отрицать волю человека и все подчинить закону необходимости. Но ведь это ложь. Надо спасти волю, иначе всякое нравственное начало исчезнет" (Огарев, 1956а).

Это высказывание важно как свидетельство о направлении исканий Н.П. Огарева. Мыслитель не

дает здесь еще положительного решения. Но, ставя вопрос, он правильно подмечает невозможность обоснования нравственности при признании полного подчинения человека необходимости. Он обращал внимание также на то, что признание свободы воли играет большую роль и в личном плане, плане самосовершенствования, так как способствует воспитанию в индивиде активности, стремления к творческой деятельности. Личные качества, характер человека, по мнению Н.П. Огарева, в значительной степени определяют положение его в обществе; так, личность слабая будет подчиняться влиянию внешних обстоятельств, личность более сильная определит свое место в общественной жизни "вследствие своей внутренней силы" (Гершензон, 1912). Такие замечания свидетельствуют о постепенном осознании Н.П. Огаревым закономерности борьбы за изменение неблагоприятных обстоятельств, т.е. существовавших условий жизни. Важным в рассуждениях мыслителя периода 30-40-х годов были его, пока еще робкие, попытки отстаивать право выбора индивидом своей деятельности в рамках действующих, необходимых законов (письмо Герцену, 1838) (Огарев, 1888). Уже в этом письме проявляется его стремление обосновать право человека на свободное деяние в своей сфере, тем самым Н.П. Огарев подчеркивает значение признания нравственной свободы для практики нравственного воспитания.

В 50-70-х годах этические воззрения Огарева развиваются в русле революционного демократизма. Разрабатывая в этот период вопросы морали борца за народное освобождение, он встретился с необходимостью четко определить свою теоретическую позицию в области этики.

Прежде чем рассматривать понимание Н.П. Огаревым вопроса о нравственной свободе в 50-60-х годах, необходимо дать анализ трактовки им соотношения свободы и необходимости в общетеоретическом плане.

Базовое рассуждение по этому вопросу имеется в четвертой статье цикла "Русские вопросы", озаглавленной: "Движение русского законодательства в 1856 году". "Между тем, – пишет там Огарев, – как философия истории подводит факты под закон движения цели бесконечного развития человечества, факты движутся гораздо проще: народы и правительства хватаются за перемены в положении вещей, когда в этих переменах приходит нужда, когда после долгого сцепления причин и следствий какое-нибудь положение становится невыносимым и государство поставлено в необходимость или изменить его, или погибнуть. В такие времена правительства или падают, или становятся реформаторами, – сознательно или вопреки своей воле, – все равно: необходимость сильнее всякой воли. Горе правительствам, которые упрямо хотят сохранить status quo: они исчезают с позором. Жалки правительства, которые медлят, потому что теряют силы и время от непонимания вещей. Слава правительствам, которые становятся во главе движения, потому что это есть признак понимания, умения, силы, таланта, гениальности!.. Нужда приводит к переменам. Нить этой роковой необходимости можно проследить ясно и отчетливо" (Огарев, 1952а).

Как видим, здесь Н.П. Огарев подчеркивает, что социальные процессы протекают по определенным, необходимым законам. Противостояние им бессмысленно. Люди, стоящие во главе общества, должны стремиться понять эти законы и сообразовать с ними свои действия. Исходя из такого понимания проблемы, Н.П. Огарев полагал, что, "если правительство станет во главе народных потребностей, развитие России совершается спокойно и стройно; если правительство пойдет по пути обратного шествия, или внесет в жгучие вопросы медленность и нерешительность – реки крови польются" (Огарев, 1952б).

Мыслитель обращает внимание на роль субъективного фактора в историческом развитии. Он указывает на необходимость для правительства действовать в соответствии с потребностями народа, что поможет избежать ненужных жертв и будет действительно свободным и разумным деянием. Однако, отмечая диалектический, в общетеоретическом плане, подход Н.П. Огарева к проблеме свободы и необходимости, следует сказать о том, что решение ее является для него пока еще абстрактным. Огарев отвлекается от политической стороны дела, от того, что правительство в основанном на эксплуатации обществе выражает интересы эксплуататорских общественных классов, составляя элемент государственной власти. Он верит в возможность появления в этом обществе правительства, которое, выражая интересы народа, будет стремиться к удовлетворению его нужд, назревших в процессе развития истории.

Понимая гибельность для России упорного нежелания правящей верхушки осознать необходимость коренных преобразований гражданского устройства, Огарев верил в возможность их осуществления по воле царского правительства, без революционных выступлений. На этой вере были основаны либеральные иллюзии Огарева, его надежды на "спокойное и стройное" развитие России, характерные для него в дореформенный период.

Отмечая недостатки трактовки Н.П. Огаревым соотношения свободы и необходимости, нельзя забывать того положительного, что содержится в данной им попытке решения проблемы. Огарев подчеркивает детерминированность всех происходящих в обществе процессов, в том числе и

деятельности правительства. Он подчеркивает, что решение насущных вопросов социального развития России может дать только правительство, понимающее общие нужды страны и стремящееся к их удовлетворению. Положительным моментом огаревской концепции является также то, что она допускает свободу выбора. Развивая мысли, защищавшиеся в 40-х годах, Н.П. Огарев особое внимание обращает на роль свободного выбора своих действий отдельной личностью. Тем самым уже намечается подход к нравственному обоснованию активного революционного действия. Знаменательна в этом отношении его статья "Что бы сделал Петр Великий?", написанная в конце 50-х годов. "История не идет ни по плану Боссюэта, ни по плану Гегеля, – писал мыслитель. – Если б человечество развивалось по предначертанному плану, нам можно бы скрестить руки в приятной праздности: что ни делай – все пошло бы, как по-писанному. Но в действительности история представляет отсутствие плана; происшествия могут случиться, могут и не случиться, смотря по тому, какие для чего есть данные; такое или иное общественное условие, явление такого-то или иного лица меняет факты, меняет жизнь. От того именно, что вещи могут быть и не быть, всякий порядочный человек страстно принимает участие в деле общественном и по мере сил старается, чтобы вышло то, что он считает полезным, справедливым, нравственным" (Огарев, 1956б).

Из приведенного высказывания вовсе не следует, что Огарев пришел к отрицанию объективной закономерности развития общества. Он лишь подчеркивает, что провиденциализм и объективизм неизбежно приводят к фатализму и, следовательно, сводят к нулю значение деятельности отдельной личности. По мнению Огарева, исторические явления существуют сначала лишь в возможности, люди же своею деятельностью способствуют процессу претворения этих возможностей в действительность.

Таким образом, возможность достижения нравственной свободы Огарев усматривает в активном участии в общественной жизни, в деятельности, направленной на благо народа.

3. Подходы Н.П. Огарева к роли личности в общественной жизни

Однако, как часто было у Огарева, развивая эти свои по существу правильные мысли, он, когда речь заходит о роли отдельной личности, впадает в крайность, преувеличивая значение субъективной деятельности, возлагает чрезмерные надежды на появление великого человека. "Пусть условия нашего века иные, – писал Огарев в той же статье "Что бы сделал Петр Великий?", – но хотелось бы, чтобы в эти новые условия опять вошла могучая личность с ясным умом и неуклонным преследованием своей цели. Хотелось бы для России опять Петра Великого!" (Огарев, 1956б).

Уклонения Огарева в сторону субъективизма были обусловлены историческими обстоятельствами. В конце 50-х годов шла работа по подготовке проекта крестьянской реформы. Огарев страстно желал уничтожения крепостничества. Надеясь на то, что царское правительство положительно решит вопрос, он призывает его следовать примеру великого реформатора Петра I. Однако, в этом призыве находят отражение также имевшиеся у Огарева сомнения в возможности удовлетворительного разрешения задачи правительством Александра II. Об этом свидетельствует продолжение его статьи, оставшейся незаконченной, и сам план ее, где имеются пункты: "Как бы шел Петр Великий к решению современной задачи крепостного состояния. ..." "Как бы предпринял Петр Великий вопрос чиновничества в наше время" (Огарев, 1956а).

В целом, субъективизм не был определяющим для воззрений Огарева. Его последующие высказывания являются этому убедительным доказательством.

Н.П. Огарев (1952а) утверждал, что человек не может быть абсолютно свободен от общества потому, "что – где бы человек ни основался – он невольно принимает участие в общественных делах округа вследствие общих нужд, общих налогов, общего устройства, вследствие физиологической необходимости стадной жизни". В примечании к этому положению второй статьи цикла "Расчистка некоторых вопросов", озаглавленной "Конституция и Земской собор" (1863), Н.П. Огарев, развивая свою мысль, писал: "Бесконечная свобода лица, вне условий общественной жизни, переходит в уродливый призрак. Вся задача: в уравнивании личной свободы и общественных требований от человека" (Огарев, 1952а).

Рассматривая личность в неразрывной связи с обществом, он обосновывает эту связь экономическими, политическими и физиологическими условиями жизни людей. Мыслитель ставит вопрос о необходимости гармонического сочетания свободы личности и обязанностей перед обществом. Именно на этом пути должна, по его мнению, найти свое осуществление подлинная нравственная свобода.

Подобное решение проблемы способствовало успешной критике субъективистских воззрений, ориентировало на преодоление односторонности: с одной стороны, подчеркивалась детерминированность поведения человека, с другой стороны, отстаивалась свобода выбора им своих поступков в сфере личной деятельности, ибо "общественное развитие основано на человеческой самостоятельности, которая одна не только возбуждает, но и поддерживает стремление к

усовершенствованию во всех общественных потребностях" (*Колокол*, 1865).

Важное значение для понимания сущности решения Н.П. Огаревым проблемы нравственной свободы имеют тезисы, являющиеся как бы ответом на сообщение Герцена о проходившей в 1867 году дискуссии профессора Шиффа с Доманже о принципе "свободы воли" ("libre arbitre"). Прежде чем приступить к рассмотрению тезисов, необходимо заметить, что под термином "libre arbitre" Н.П. Огарев понимает ничем не детерминированную, абсолютную свободу воли, "принцип, ставящий право выбора поступка или убеждения без достаточной или помимо достаточной причины, определяющей поступок или убеждение" (*Огарев*, 1956в).

Критикуя принцип свободы воли в таком толковании, Огарев писал, что уже принятие необходимости "достаточной причины, обуславливающей поступок или убеждение", устраняет этот принцип. Также и физиология, по утверждению Огарева, несмотря на имеющиеся в ней как науке пробелы, "доказывает нить необходимости, а не принцип du libre arbitre". "...Сравнительная зоология, – пишет далее Н.П. Огарев, – дает всего более фактов, опровергающих принцип du libre arbitre. Так называемое право выбора поступка найдется у всякого животного, так что из-за этого изобретать особенной человеческой нравственности и особенного превосходства – нечего. И в результате все же выйдет у всякого животного поступок вследствие обуславливающей причины" (*Огарев*, 1956в).

Как видно, Огарев склоняется к натурализму в трактовке проблемы. Он не отличает "нрава" выбора поступков животного от человеческой свободы. Сосредоточив свое внимание на "заклании" принципа "libre arbitre", Огарев фактически отождествлял закономерности биологические с общественными, что явилось в известной степени шагом назад по сравнению с изложенными выше его взглядами начала 60-х годов.

Однако, отмечая теоретические заблуждения Н.П. Огарева, нельзя не видеть вместе с тем достоинства в решении им данного вопроса. Огарев отстаивает детерминированность воли, причинную обусловленность поведения. Он правильно утверждал, например, что "разнообразие характеров обуславливается не принципом du libre arbitre, а, напротив, разнообразием организмов и разнообразием влияющей среды, так что одно это устраняет принцип du libre arbitre" (*Огарев*, 1956в).

Н.П. Огарев верно замечал, что, только признавая детерминированность человеческой жизни, можно "ввести в социологию необходимые элементы воспитания и социальной организации" (*Огарев*, 1956в). По его мнению, отказ от признания детерминированности воли делает невозможным правильное объяснение истории, ибо он не дает возможности "принять в человечестве неизбежную последовательность фактов (т.е. причин и следствий, как принимаем в остальном мире)", толкает в объятия христианства и религиозно-легальной морали (*Огарев*, 1956в).

Надо отдать должное проницательности Н.П. Огарева, который понял связь субъективистского отрицания детерминированности человеческих поступков с пиетизмом. Справедливо критикуя А.И. Герцена за субъективистские ошибки в решении вопроса нравственной свободы (в 1864 году Герцен, например, писал: "Под какой бы логической или стихийной необходимостью мы ни были, мы не отречемся от нашего нравственного самоопределения – от святой самодержавной независимости нашей, мы никогда не поставим критериум нашей совести в чем бы то ни было вне ее"), Н.П. Огарев в письме к нему от 28 января 1867 года выражает благодарность Шиффу за "заклание" свободы воли, а также замечает, что Герцен часто поддерживал этот принцип (*Герцен*, 1959). Выступая против принципа абсолютной свободы воли, Н.П. Огарев подчеркивал, что пока этот несчастный принцип станет поддерживаться, то воспитание лица и рода будет отталкиваться на второй план, при отрицании же его – воспитание лица и рода становится на 1-й план, как единственная возможность регулировать поступки и как главная общественная потребность.

Большое внимание уделял Н.П. Огарев не только проблеме соотношения нравственной свободы и объективной необходимости, но и вопросу нравственной свободы личности. Значимость решения этой проблемы для русского революционного движения 60-70-х годов XIX века была исключительно велика. Только при условии глубокой веры в необходимость своих поступков революционеры могли выступить на борьбу за коренное переустройство общества.

Излагая свое понимание вопроса, Н.П. Огарев рассматривает условия внутренней и внешней нравственной свободы. Для нравственной свободы личности необходима "адекватность поступка с мыслью", соответствие действия и убеждения; для реализации убеждений необходимы соответствующие общественные условия, распространение научных достижений, изменение социально-политического устройства, препятствующего личности развивать свои способности, свободно мыслить и действовать. "...Что же делает личность внутренне свободною? – Ясность мысли и адекватность поступка с мыслью. Что делает личность независимую? – Немешание окружающей средою ясно мыслить и действовать. Итак, полезное в общественном смысле – это знание, т.е. наука, и отстранение препятствий, мешающих человеку ясно мыслить и действовать. Или скажем определеннее – полезных элементов два:

популяризация науки и гражданская реформа" (Огарев, 1956г).

Популяризация знаний может осуществляться, по мнению Огарева, как через высшие учебные заведения, так и посредством печатных изданий центра тайного общества, пропаганды его агентов. Работа по распространению знаний должна привести массы "к сознательному, активному участию в борьбе за реформы" (Рудницкая, 1969). Эти идеи были положены Н.П. Огаревым в основу "Записки о тайном обществе" (1857). В "Записках" обосновывался тезис, что необходимым условием объединения людей в тайное общество является нравственное убеждение в правильности программы, единство взглядов. Члены общества должны быть нравственно свободными людьми, глубоко убежденными в правоте своего дела. "Записки" являются революционным документом. Здесь Н.П. Огарев наметил конечную цель тайного общества – достижение "свободы личности", т.е. построение социалистического общества, и ближайшую цель – подготовка масс к активному участию в борьбе за реформы. "Записки" определили в "значительной мере содержание и направление нового издания" – газеты "Колокол" (Рудницкая, 1969).

Понимание Н.П. Огаревым сущности нравственной свободы личности нашло отражение в его многочисленных статьях, опубликованных в изданиях лондонской типографии Герцена и Огарева – "Общем вече". Рассматривая в этих статьях, в основном, вопросы веры, он отстаивает свободу совести и достоинство личности, выступая против насилия над убеждениями человека и доказывает, что на убеждения можно воздействовать только убеждениями.

4. Заключение

Рассмотрение вопроса нравственной свободы как кардинальной проблемы этической концепции Н.П. Огарева позволяет сделать вывод о том, что в этой области выдающийся демократ высказал немало ценных мыслей. Он с самого начала своей теоретической деятельности стремился обосновать необходимость законов, действующих в природе и обществе. Заслуга Н.П. Огарева была в том, что в анализе соотношения нравственной свободы и необходимости он выделял сферу человеческой деятельности, доказывая возможность выбора человеком линии своего поведения. Это положение несомненно способствовало развитию творческой активности, так как ориентировало, в конечном счете, на революционные действия. Критика Н.П. Огаревым фатализма и субъективизма, его учение об отношении к убеждениям содействовали обоснованию этики участников русского освободительного движения с революционно-демократических позиций.

С высоты времени видно, что теория нравственной свободы Н.П. Огарева не лишена существенных заблуждений. Мыслитель не различал законы природные и общественные, отождествляя иногда закономерности общественные с биологическими, склонялся к натуралистической трактовке проблемы. Решение вопроса о соотношении единичного, особенного и всеобщего в области нравственности не отличалось достаточной последовательностью.

Однако не это определяет главное в содержании выдвинутой Н.П. Огаревым концепции. Недостатки лишь подчеркивают трудности поисков новых, непроторенных путей. Обоснование Огаревым революционной активности личности, его учение о внутренней нравственной свободе направляли участников освободительного движения на борьбу с монархией, и в этом – непреходящая ценность идей выдающегося демократа.

Литература

- Герцен А.И. Письмо к противнику. Собр. соч. В 30 т. М., Наука, т.18, с.296, 1959.
- Гершензон М. Образы прошлого. М., Научное слово, с.413, 1912.
- Колокол, л. 206, 15 октября 1865 г.
- Огарев Н.П. Письмо к Н. Сатину. Берлин, 1841, 27 декабря. Избранные социально-политические и философские произведения. В 2 т. М., Политиздат, т.2, с.329, 559, 1956а.
- Огарев Н.П. Движение русского законодательства в 1856 году. Избранные социально-политические и философские произведения. В 2 т. М., Политиздат, т.1, с.115, 624-625, 1952а.
- Огарев Н.П. Что бы сделал Петр Великий? Избранные социально-политические и философские произведения. В 2 т. М., Политиздат, т.2, с.24. 1956б.
- Огарев Н.П. Движение русского законодательства в 1856 году. Избранные социально-политические и философские произведения. В 2 т. М., Политиздат, т.1, с.207, 1952б.
- Огарев Н.П. Тезисы на дискуссии проф. Шиффа с Доманже. Избранные социально-политические и философские произведения. В 2 т. М., Политиздат, т.2, с.170-171, 1956в.
- Огарев Н.П. Записки о тайном обществе. Там же, т.2, с.31, 1956г.
- Огарев Н.П. Письмо А.И. Герцену от 24 октября 1838 г. "Из переписки недавних деятелей". Русская мысль, Кн. 10, с.3, 1888.
- Рудницкая Н.П. Огарев в русском революционном движении. М., Политиздат, с.98, 97-100, 1969.